

СУДЬБЫ РАННЕГО КАПИТАЛИЗМА В РЕСПУБЛИКЕ СОЕДИНЕННЫХ ПРОВИНЦИЙ

А. Н. Чистозвонов

Стремительный экономический рывок Нидерландов, этой маленькой страны, нашедшей в себе силы, чтобы вырваться из-под ярма испанского владычества, быстро стать мировым центром торговли и кредита, владычицей океанских просторов и обширной колониальной империи, поражающей воображение как современников, так и историков, пытавшихся вскрыть и объяснить причины этого «феноменального чуда» XVII столетия. Не менее сильные эмоции вызывал и последующий упадок этой страны, занявшей затем третьеразрядное место в Европе. Основы обоих явлений коренились в ряде событий повседневной экономической, социальной и политической жизни дореволюционных Нидерландов, как лишенных блеска и величественности, так и имевших свои кульминации. Поэтому небесполезно будет хотя бы несколькими штрихами наметить те линии преемственности, без которых судьбы раннего капитализма в республике Соединенных провинций не могут быть всесторонне осмыслены.

Ядром будущей республики были Голландия и Зеландия, включенные еще в XV в. в состав герцогства Бургундского. Все остальные области приобщались к нидерландскому комплексу династическими узами в основном во второй четверти XVI в. и до начала революции не были окончательно «переварены» в чреве испанской державы. Центр экономической и политической жизни в дореволюционных Нидерландах приходился на Фландрию и Брабант, которые были средоточием развитого ремесла, промышленности, торговли, кредита и земледелия. Их хозяйственная жизнь изобиловала разного рода конфликтами. Старое корпоративное сукноделие, бывшая основа их процветания, находилось в глубоком упадке. Зато динамично развивались новые отрасли шерстоткачества, преимущественно в прежних сельских и локальных центрах. В Хондсхооте производство саржи из местной и испанской шерсти увеличилось с 1485 по 1569 г. с 15 до 100 тыс. кусков, в Армантьере — до 24 тыс., Ниве Керке — до 17 тыс. кусков в год. В льноткачестве, развившемся с XV в. во Фландрии, Брабанте, Зеландии, были заняты десятки тысяч людей. В Генте ежегодно продавалось до 110 тыс., а в Эклоо — до 123 тыс. кусков полотна. Льеж выдавал на-гора до 90 тыс. т каменного угля¹. Крупнейшая в мире типография Плантена в Антверпене рас-

¹ E. Coornaert. Un centre industriel d'autrefois. La draperie-sayetterie d'Hond-schoot. P. 1930, pp. 16—17, 28, 30; J. A. van Houtte. Economische en sociale geschiedenis van de Lage Landen. Antwerpen. 1964, blz. 92—93, 96; P. Lindemans. Geschiedenis van de landbouw in België. D. II. Antwerpen. 1952, blz. 222; A. Verhulst. De inlandse wol in de textielnijverheid van de Nederlanden van de 12e tot de 17e eeuw: productie, handel en verwerking. «Bijdragen en Mededelingen betreffende de Geschiedenis der Nederlanden», 1970, afl. 1, blz. 8, 17.

полагала 22 прессами, здесь трудилось до 60 рабочих². Традиционное средневековое ремесло уже уступало место разным формам капиталистической мануфактуры, преимущественно рассеянной и смешанной, сохранившей еще более или менее прочные элементы корпоративности и преобладание купеческого капитала.

Наиболее зримые успехи одерживала, однако, торговля, особенно внешняя, средоточием которой стал в XVI в. блестящий и кипучий Антверпен. Общий объем нидерландского импорта по основным товарам составлял, согласно новейшим данным, около 22 млн., а экспорта — около 16 млн. гульденов. Валовой объем промышленного и ремесленного производства Нидерландов (без Люксембурга, Хелдера, Зеландии и Верхнего Мааса) в 1570 г. оценивался в сумме свыше 47 млн. гульденов (а включая и неучтенные области, видимо, до 50 млн.). Из них свыше 42 млн. приходилось на долю бельгийских провинций³. Зато там, несмотря на общий упадок цехового ремесла, позиции его оставались достаточно прочными и оно пользовалось особым покровительством властей. Основная экспортная отрасль — текстильная — закупала сырье и сбывала свои товары в значительной мере на испанском и зависевших от Испании рынках. В деревне прогресс агрикультуры, торгового земледелия и ростки фермерства (в основном во Фландрии) сочетались с сильным дворянским и церковно-монастырским землевладением, с их феодальными устоями. Торговля Антверпена, в основе своей транзитная, находилась преимущественно в руках иноземных купцов. Местные капиталы первоначально были невелики и обращались преимущественно в сфере услуг⁴. Грузы транспортировались на чужих кораблях. Соответственно и социальная структура бельгийских провинций знаменовалась устойчивостью и влиятельностью феодальных ее компонентов, особой остротой и усложненностью общественных противоречий, что нередко заводило социально-политическую и классовую борьбу в тупиковые ситуации.

В Голландии и Зеландии, экономически самых развитых и густонаселенных областях Севера, хозяйственная структура отличалась значительным своеобразием. Центр тяжести их городской экономики лежал в рыболовстве, судоходстве, судостроении. Голландия, Зеландия, Фрисландия владели в XVI в. тысячами морских и речных судов разных типов, обслуживанием которых были заняты десятки тысяч людей. Большое развитие получили смежные с судостроением отрасли. И все же по объему продукции ремесла и промышленности (свыше 2 млн. гульденов)⁵ Голландия стояла на 6-м месте среди нидерландских областей. Торговля велась преимущественно товарами местного производства и была ориентирована на Прибалтику, Англию, Францию, то есть на рынки, не зависевшие от Испании. В сфере сельского хозяйства Север тоже был специфичен. Позиции дворянского и монастырского землевладения в ряде областей, в том числе в Голландии, были слабыми. Большинство из них специализировалось на товарном мясо-молочном животноводстве, огородничестве, выращивании технических культур, покрывая значительную долю своих потребностей в хлебе за счет привоза из Прибалтики. В Голландии и Зеландии для сотен деревень земледелие стало

² R. de Roover. The Business Organisation of the Plantin Press in the Setting of the Sixteenth Century Antwerpen. «The Gulden Passer» (Antwerpen), 1956, Jg. 34, pp. 110, 113—115.

³ W. Brulez. De handelsbalans der Nederlanden in het midden van de 16e eeuw. «Bijdragen voor de Geschiedenis der Nederlanden», 1966—67, d. XXI, № 3—4, blz. 304. Отдавая должное работе, проделанной автором, нельзя все же не высказать некоторого недоумения по поводу того, что он полностью исключил из числа основных экспортных статей сельскохозяйственные продукты и рыбу, занимавшие видное место в нидерландском вывозе.

⁴ H. Van Der Wee. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy. Vol. II. Louvain. 1963, pp. 131—132.

⁵ W. Brulez. Op. cit., blz. 304.

побочным занятием, основными же — рыболовство, судоходство, сельские промыслы. Иной была и социальная структура. Цеховые корпорации никогда не занимали здесь такого прочного места и не обладали таким политическим влиянием, как на Юге. Крестьянство в немалой своей части было меньше обременено феодальной кабалой. Во Фрисландии, Хронингене, Дренте значительная часть его не прошла даже этапы развитых феодальных отношений и сохранила вольнолюбивые традиции. Все это, вместе взятое, создавало на Севере при количественно менее развитом ранее капиталистическом производстве в целом более прочные потенции для развития буржуазного строя, хотя такой вариант не был абсолютно предопределен.

Большим своеобразием Нидерландов являлось то, что общенидерландский рынок складывался как рынок капиталистический, практически минуя стадию своего существования как категории простого товарного хозяйства. Этому способствовало то, что именно Нидерланды в лице Антверпена являлись центром начавшего складываться мирового рынка. В целом Нидерланды в XVI в. вступили в мануфактурную стадию капиталистического развития в тот момент, когда, по определению К. Маркса, «торговая гегемония обеспечивает промышленное преобладание»⁶.

Торговой, а не производительной, согласно выводам некоторых новейших исследований, была также сложившаяся в Нидерландах XVI в. инфляционная конъюнктура⁷. С этим была связана дороговизна и относительная слабость коммерческого кредита — 12% и выше, а также то, что регулятором денежного рынка в отличие от развитого капитализма выступал не учетный курс (дисконт) векселей, а колебания обменного курса находившейся в обращении монеты⁸. Капиталы даже крупных нидерландских купцов и промышленников исчислялись всего в 20—30 тыс. гульденов, а структура их была низкой — обычно преобладали еще собственные деньги владельца, а не кредит.

Таков был завещанный XVI в. экономический и социальный «ландшафт», на фоне которого с 1566 г. развернулась нидерландская революция. Это была ранняя буржуазная по своему объективному содержанию революция, спонтанная в том смысле, что она не испытывала внешнего влияния со стороны более развитых форм капитализма, происходившая при отсутствии сложившейся мировой системы капитализма и незрелости буржуазных отношений внутри страны; ускоренная фактором политического господства реакционной Испании; взятая в качестве идеологического знамени прогрессивную для того времени религиозную доктрину кальвинизма и принявшая форму освободительной войны. Она длилась с разной степенью интенсивности и в различных формах свыше 80 лет, за что и получила в буржуазной нидерландской историографии объективистское определение — «Восьмидесятилетняя война».

В ходе ее именно Фландрии и Брабанту выпала доля стать ареной многолетней, ожесточенной и чрезвычайно сложной по расстановке социально-классовых сил гражданской войны, дополнявшейся иностранным вмешательством. Драматическая острота социальных коллизий сочеталась здесь с таким комплексом противоречий, что дело завершилось реставрацией испанского деспотизма. Революция же и освободительная война после четырехлетней своей кульминации (1572—1576 гг.) и последующей напряженной борьбы одержала победу на Севере, увенчалась образованием первой в истории буржуазной республики Соединенных провинций. Здесь экономическое преобладание и политическая гегемо-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23, стр. 764.

⁷ H. Van Der Wee. Op. cit. Vol. II, pp. 422—424, 435.

⁸ R. de Roover. Anvers comme marché monétaire au XVIe siècle. «Revue belge de philologie et d'histoire», 1953, vol. XXXI, № 4, pp. 1009, 1037—1038.

ния оказались в руках купеческой олигархии. Консервативная, космополитичная и своекорыстная, она удовлетворялась половинчатыми буржуазными преобразованиями, поддерживала союз не с крестьянством, а с кальвинистским дворянством и оранжистами. Однако и эти компромиссы в сочетании с ликвидацией реакционного испанского деспотизма создали на первых порах благоприятные условия для того «экономического чуда», к выяснению причин расцвета и заката которого мы переходим.

В исследовании начальной поры капитализма, когда его ростки и закономерности пробивали себе путь еще в локально-национальном масштабе и охватывали не все сферы хозяйственной жизни, а те, которые были решающими для данного этапа этого процесса, важно в первую очередь выявить и показать эти звенья капиталистической эволюции. В этой связи следует подчеркнуть, что основой всей хозяйственной жизни и процветания республики была внешняя, преимущественно посредническая торговля, а также судоходство и рыболовство. Позднее к ним добавилась банковско-кредитная система, «торговые» отрасли мануфактурного производства, значение же рыболовства заметно снизилось. Именно в этих сферах и был сделан республикой наибольший вклад в развитие мирового процесса генезиса капитализма.

Восстание 1578 г. и приход к власти революционно-кальвинистской фракции местного купечества, блокада устья Шельды приобщили Амстердам к быстрому хозяйственному развитию отложившихся провинций. Сократившаяся почти до нуля (перед восстанием) доля его в голландской внешней торговле в 1691—1700 гг. составила около 72%, а за весь XVII в. в среднем — около 46,5%⁹.

Амстердамский стапельный рынок возник как общность следующих компонентов: основного узла морских коммуникаций, мощного морского и речного флота, товарной и фондовой биржи, а позднее Амстердамского банка, прекрасно организованной сферы обслуживания (портово-складское хозяйство, фрахт, страхование и др.). Подобный комплекс в то время мог сложиться только в экономически высокоразвитой стране, каковой и была республика Соединенных провинций.

Главной задачей амстердамского стапеля на данном уровне развития мирового рынка было служить общим центром ценообразования и перераспределения товаров. Этой цели полностью соответствовала его организационная структура. Ее центром были товарная, фондовая биржи и Амстердамский банк, где оформлялись все торгово-кредитные операции. Купечество членилось на четыре основные категории: 1) «заморские купцы», специализировавшиеся на крупных оптовых закупках по странам или регионам, ведшие дела единолично или компаниями через отделения своих фирм на местах, а также примыкавшие к этой категории крупные купцы из стран-контрагентов, торговавшие самостоятельно в Амстердаме; 2) купцы-оптовики «второй руки», скупавшие товары, доставленные «заморскими купцами», обеспечивавшие их хранение, сортировку и перепродажу по странам и портам назначения; 3) купцы-«комиссионеры» — поставщики на заказчиков по регионам и по бассейнам рек Мааса, Рейна и др.; 4) «купцы-трафиканты», организаторы «торговых» отраслей промышленности, обработки и «облагораживания» сырья и полуфабрикатов¹⁰. Особое место занимали предприниматели-арматоры, приобретавшие, арендовавшие или фрахтовавшие суда, занятые перевозкой всех этих грузов. Низшими ступе-

⁹ J. Niermeyer. Historische schets van den Nederlandschen handel. «De Economist». 1943, Jg. 92, blz. 389; H. Bruggmans. Opkomst en bloei van Amsterdam. Amsterdam. 1944, blz. 111.

¹⁰ T. van der Kooy. Hollands stapelmarkt en haar verval. Amsterdam. 1931, blz. 5—10, 18—26.

нями иерархии были присяжные маклеры, цехи транспортировщиков, упаковщиков и др., обеспечивавшие сферу обслуживания торговли¹¹.

Товарный ассортимент амстердамского стапеля состоял в среднем из 225 наименований. Из них 100 — продовольственные, 46 — сырьевые товары, 73 — готовые изделия, остальное — полуфабрикаты. Таким образом, структура торговли была по преимуществу аграрно-сырьевой и массовой по своим объемам. Так завершился процесс перехода к торговле «массовыми» товарами, начавшийся в XVI в. в Антверпене. В натуре это были вина, лес, хмель, соленая рыба, соль, известь, металлы, оружие, зерно и т. п. Общий торговый оборот Голландии в середине XVII в. составлял в год в среднем примерно 75—100 млн. гульденов. Львиная доля в нем принадлежала внешней торговле, прежде всего балтийской, поглощавшей в 1666 г. 75% всех капиталов биржи. В ней видное место занимали лес, скот, зерно. В XVII в. Амстердам ежегодно ввозил около 76 тыс. лавост зерна общей стоимостью около 10 млн. гульденов. Примерно 28% его потреблялось в Амстердаме; из оставшихся 72% — 29% в республике, а 43% — вывозилось в основном в Италию¹². Другим важным районом было Средиземноморье, Испания и Португалия. В 1646—1647 г. товарооборот из Леванта в Амстердам и обратно составил соответственно 2 349,7 и 2 453 тыс. гульденов. Дополнением к торговле являлись пиратство и контрабанда. В 1625 г. была создана специальная Левантская компания, организовавшая караванную торговлю. На протяжении всего XVII в. поддерживалась лицензионная и контрабандная торговля с Испанией и ее владениями, вплоть до поставок оружия и боеприпасов, что вызывало острые внутривосточные конфликты. Один из красочных примеров — посылка в Италию в 1596 г. 400 кораблей с зерном вопреки протестам и военным контрмерам Англии. Весьма значительной по объему была и торговля республики с Англией и Францией. Компания купцов-авантюристов до 1665 г., а шотландский стапель до 1676 г. свои основные операции осуществляли в республике и через ее порты. В 1649 г. доходы с одних лишь таможенных сборов от этой торговли составили в республике 1 280 тыс. флоринов, а в Англии — около 292 тыс. фунтов стерлингов. Около 1646 г. вывоз республики во Францию составил 21 445 тыс., а ввоз из нее — 15 701 тыс. ливров. В 1716 г. доля республики во французском экспорте составляла 29,2%, а в импорте — 16,9%¹³.

Высокодоходной отраслью стала торговля оружием. Купцы Трип, Херард и Де Хеер создали компанию по торговле оружием и военными материалами, связанную с Льежем, Намюром, Аахеном, Золингеном, металлургическими центрами Англии и Швеции, а их заказчиками стали почти все европейские государи. Стоимость поставок исчислялась сотнями тысяч и миллионами флоринов, а чистая прибыль от них — десятками тысяч. Позднее торговлей оружием занялись и другие купеческие дома.

¹¹ T. van der Kooy. Op. cit., blz. 5—28; V. B a r b o u r. Capitalism in Amsterdam in the Seventeenth Century. Baltimore. 1950, pp. 86—88.

¹² N. P o s t h u m u s. Nederlandsche prijsgeschiedenis. D. I. Leiden. 1943, blz. LXVII; J. N i e r m e y e r. Op. cit., blz. 397—398; V. B a r b o u r. Op. cit., p. 27; F. R a c h v a h l. Die holländische See- und Handelsmacht vor und nach dem Ausbruche des Niederländischen Aufstandes. «Studien und Versuche zur neueren Geschichte». B. 1910, S. 77—78; O. P r i n g s h e i m. Beiträge zur wirtschaftlichen Entwicklungsgeschichte der vereinigten Niederlande im 17. und 18. Jahrhundert. Leipzig, 1890, S. 18; H. B r u g m a n s. Op. cit., Э. Б а ш. История экономического развития Голландии в XVI—XVII веках. М. 1946, стр. 281.

¹³ H. W ä t j e n. Niederländer in Mittelmeergebiet zur Zeit ihrer höchsten Machtstellung. B. 1909. S. 166—171, 174, 226, 234; J. K e r n k a m p. De handel op den Vijand 1572—1609. D. II. Utrecht. [1934], blz. 194—200; F. S n a p p e r. Oorlogsinvloeden op de overzeehandel van Holland 1551—1719. Amsterdam. 1959, blz. 127; V. B a r b o u r. Op. cit., p. 99.

Эти данные свидетельствуют о поразительной по своему размаху и энергии деятельности голландских купцов. Располагая прекрасным транспортом, используя дешевый (около 4%) долгосрочный кредит, они подавляли любую конкуренцию иноземных купцов и чувствовали себя в их странах хозяевами: в массовых количествах они скупали продовольствие и готовые изделия во Франции, сахар и табак во французской и английской Вест-Индии, полностью контролировали внешнюю и внутреннюю торговлю Швеции, обеспечив прямые рейсы оттуда и из Архангельска в Ливорно, Венецию, Лиссабон и Кадикс¹⁴.

Во вновь созданной колониальной торговле господствующее место принадлежало Ост-Индской компании, организованной в 1602 году. Последняя состояла из 5 камер, квоты которых в основном первоначальном капитале компании, составлявшем большую сумму — 6 425 тыс. флоринов, а также представительство в директорате распределялись так: Амстердам — 3 675 тыс. флоринов и 8 директоров; Мидделбург (соответственно) — 1 300 тыс. и 4; Энкхёйзен — 540 тыс. и 1; Делфт — 470 тыс. и 1, Хоорн — 267 тыс. и 1; Роттердам — 173 тыс. и 1. Семнадцатый директор попеременно выдвигался от одной из последних 5 камер. Директора назначались штатами провинций и магистратами городов с учетом рекомендаций пайщиков. Капитал Ост-Индской компании позднее был значительно увеличен продажей новых паев. Решения 17 директоров были обязательны. На местах вся полнота власти находилась в руках генерал-губернатора (при котором имелся совещательный совет) и управителей факторий. Компания располагала своим флотом, вооруженными силами, полнотой административных прав и практическим суверенитетом над территориями колоний. Ей принадлежала монополия на все виды торговли с ними. Размеры ее имущества и объемы операций видны из следующих цифр. Стоимость снаряжения экспедиций в 1639—1649 гг. составила 42 681 тыс., 1689—1699 гг. — 106 879 тыс., 1719—1729 гг. — 172 859 тыс. флоринов. Состояние активов: 1613—1654 гг. — 9,7 млн., 1696 г. — 23,5 млн., 1724 г. — 1 млн. флоринов, после чего пошли одни убытки¹⁵.

Главные статьи торговли Ост-Индской компании — пряности, перец, шелковые и хлопчатобумажные ткани, сахар, чай, кофе, медь (из Японии). По своему физическому объему эта торговля была невелика: около 1634 г. на ее долю приходилось примерно 0,2% общего грузооборота республики. Однако закупочная цена этих грузов была огромна — 4—5 млн. дукатов (12—15 млн. флоринов), а продажная — неизмеримо выше: на пряности — до 1 000%, на шелк — до 325%, на сахар — до 300% и т. п. Их удельный вес Ф. Рахфаль, возможно, преувеличивая, оценивал в 25% всей голландской торговли¹⁶.

Соответственно велики были и дивиденды пайщиков — за первые годы они достигли 265%. В дальнейшем дивиденды уравнились, составляя в XVII в. в среднем около 18% в год. Методы «хозяйствования» Ост-Индской компании хорошо известны: пиратство, уничтожение зарослей пряностей на целых островах во имя поддержания высоких монопольных цен, массовое истребление населения, хищническая перекупка товаров по принудительным ценам. Если к тому же учесть бюрократическую неповоротливость и огромные накладные расходы, а также затраты на сохранение торговой монополии, то не удивительно, что валовая прибыль от торговли сахаром, составлявшая 300%, давала реальную прибыль лишь в пределах 33,6%, а торговля с Бенгалией — со-

¹⁴ V. Vanbour. Op. cit., pp. 91—98; Э. Бааш. Указ. соч., стр. 305—307.

¹⁵ J. van Houtte. Economische en sociale geschiedenis van de Lage Landen. Antwerpen. 1964, blz. 149—150; Kr. Glammann. Dutch-Asiatic Trade 1620—1740. Copenhagen—The Hague. 1958, pp. 3—5, 41, 248.

¹⁶ F. Raehfahl. Op. cit., S. 78; Kr. Glammann. Op. cit., pp. 93, 115, 259, 260.

ответственно 71% и 4,5%¹⁷. Паи компании могли передаваться лишь по довольно сложной процедуре, упрощенной только в 1624 году. Поэтому на амстердамской бирже обращались только паи местной камеры, продававшиеся безвозвратно или на срок. Юридического статуса акций паи Ост-Индской компании не имели. Таким образом, и по своим организационным принципам и по характеру деятельности эта компания не была предприятием капиталистического типа. Вместе с тем она являлась одним из важных рычагов первоначального накопления.

Еще меньшее экономическое значение имела монополия Вест-Индская компания, созданная в 1621 г.,—она лишь прикрывала военно-пиратские операции, из которых самой доходной была акция 1628 г. по захвату испанского «серебряного флота» стоимостью 14,5 млн. флоринов. В основном же эта компания приносила убытки и была ликвидирована в 1674 г. с долгами в 6 млн. флоринов.

Значительно более доходной оказалась работорговля, также связанная с пиратством, контрабандой и т. п. Начало ее было положено в 1619 году. Под эгидой Вест-Индской компании в 1621—1624 гг. только в Бразилию было продано свыше 15 тыс. негров; в 1641 г. из одного лишь района Конго — 15 тыс. человек. Главными опорными пунктами голландских работорговцев у берегов Вест-Индии стали отвоеванные у португальцев и испанцев о-ва Санта-Крус, Кюрасао, Боней и другие. Расцвет этой работорговли приходится на вторую половину XVII в., когда голландцы перепродали не менее 500 тыс. негров. В конце XVIII в. они уже были оттеснены на третье место, уступив «первенство» англичанам и французам¹⁸.

Благополучие финансов республики было поставлено купечеством в зависимость от успешности торговли. С 1572 г. в Зеландии и с 1573 г. в Голландии систематически взимались ввозные и вывозные пошлины на торговлю с вражескими, а позднее и с нейтральными странами. В 1589 г. поступления от этих сборов по трем адмиралтействам составили свыше 880 тыс., в 1610 г. — свыше 1 млн., в 1621 г. — 1 млн. 436 тыс. флоринов. В 1701 г. лишь адмиралтейства Амстердама и Роттердама дали 1 млн. 376 тыс. флоринов. Еще большие суммы поступали от обложения грузов, монопольных торговых компаний, купеческих капиталов и прибылей. Война питала торговлю, торговля — войну. По мнению специально изучавшего этот вопрос Ф. Снаппера, нельзя утверждать, что война подрывала торговлю республики, а мир ее восстанавливал¹⁹.

Вместе с торговлей росло судоходство. Трудно установить общее число судов в республике в XVII веке. Для 1607 г. Э. Бааш дает приблизительные цифры — 3 тыс. торговых судов средней грузоподъемностью 240 т и 3 тыс. рыболовных бойсов; в середине XVII в., как он полагает, всех судов, включая и мелкие, было до 22 тысяч. Для 1636 г. С. ван Кампен на основании документов Генеральных Штатов дает общую цифру средних и крупных судов — 4 300, из них 2 тыс. бойсов и 450 небольших судов (по 40—80 т). Общая численность моряков определяется в 180—250 тыс. человек²⁰.

¹⁷ A. Zimmerman. Die Kolonialpolitik der Niederländer. Die europäischen Kolonien. Bd. 5. B. 1903, S. 178—181; Kr. Glammann. Op. cit., pp. 259—260.

¹⁸ J. van Dillen. Isaac Le Maire en de handel in actien der Oost-Indische Compagnie. «Economisch-Historisch Jaarboek». D. XVI, 1930, blz. 10—14; A. Zimmerman. Op. cit. Bd. 5, S. 43, 79; С. Ю. Абрамов. История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье. М. 1966, стр. 27, 35, 69.

¹⁹ J. Kernkamp. Op. cit. D. I., blz. 28—30; F. Snapper. Oorlogsinvoeden op de overszeese handel van Holland 1551—1719. Amsterdam. 1959, blz. 42, 66, 70, 104, 109, 111, 142—144, 146—154, 160—162, 178, 203—204, 242; Э. Бааш. Указ. соч., стр. 175—176, 178—179.

²⁰ Э. Бааш. Указ. соч., стр. 160—161; S. van Kampen. De Rotterdamse particuliere scheepsbouw in de tijd van de Republiek. Assen. 1953, blz. 76.

Главным направлением судоходства была Прибалтика. Нидерландские корабли до второй трети XVII в. составляли обычно свыше 50% судов, проходивших через Зунд²¹.

Изменялась и экономическая структура судоходства. Купец, как правило, теперь просто фрахтовал корабли. Владельцы кораблей — капиталисты-«реедеры» — занимались арматорством чаще как подсобным делом, в качестве пайщиков, наряду с другими операциями, реже специально как полные собственники кораблей. Матросы — уже простые наемные рабочие по контракту; штурманы и капитаны кораблей нередко имели и пай в них. Страхование судов сосредоточилось в руках ряда крупных компаний. В Роттердаме было основано «Общество страхования» с капиталом в 12 600 тыс. гульденов. В Амстердаме еще в 1598 г. была создана «Страховая палата». Их деятельность регулировалась специальным страховым правом. В прейскуранты биржи вносились размеры страховых премий, зависевшие от степени риска плавания в том или ином районе²².

Видное место в экономике республики занимало рыболовство. Количество рыболовных судов в XVII в. точно не известно. Если Э. Баш, включая мелкие плоскодонные суда, дает цифру в 20 тыс., из них 2—3 тыс. килевых судов, ведших лов в открытом море, валовой улов оценивает (по данным Уолтера Рэли) в 21,5 млн. и стоимость рыболовного флота — в 6—14 млн. флоринов, то специально изучавший этот вопрос Х. Краненбурх указывает соответственно цифры (возможно, заниженные) в 450—500, 2,5—3 млн. и 2,5 млн. флоринов.

Около 1640 г. вылавливалось в среднем за год до 20 тыс. ластов одной сельди, а вывозилось ее через Зунд в 1619 г. свыше 12 тыс. ластов²³. В 1614 г. была создана монопольная китобойная «Северная компания» из нескольких камер с отдельными капитанами в каждой. С 1642 г. промысел китов стал свободным. Объемы его резко колебались. Максимальная добыча была достигнута в 1685 и 1698 гг. (соответственно 1 383 и 1 488 китов и около 56 тыс. бочек жира). Капиталовложения в экспедиции в 70—90-х годах XVII в. колебались от 26 350 до 13 206 тыс., а валовые доходы — от 19 295 до 27 258 тыс. гульденов в десятилетие²⁴.

Рыболовство в открытом море и промысел китов были организованы по-капиталистически. Экспедиции снаряжали крупные предприниматели-«реедеры», покупавшие, арендовавшие или фрахтовавшие суда и нанимавшие команды или же паевые компании, членами которых могли быть и небогатые люди. В среднем приходилось по 2—4 бойса на одного «реедера» с капиталовложениями в сумме около 13—25 тыс. флоринов. Зато один из крупнейших «реедеров» владел 13 бойсами и несколькими кораблями меньшего размера, что требовало капитала около 100 тыс. флоринов. Крупные компании были редки, а корпорация «Хрооте фиссерей» являлась организацией предпринимателей, но не коммерческой компанией как таковой. Развитие морской торговли и фрахта делало более выгодным использование рыболовных бойсов как транспортов. Поэтому рыболовство покидало города и сосредоточивалось в приморских сельских районах²⁵. Так разбухший на посреднической торговле купеческий капитал деформировал одну из важнейших отраслей «национальной» экономики, возвратил ее к исходной средневековой локализации и значению.

²¹ Э. Баш. Указ. соч., стр. 162.

²² Э. Баш. Указ. соч., стр. 164, 227—229; J. Accarias de Sérionne. La richesse de la Hollande. Vol. 1. Londres. 1778, pp. 187—192; S. van Kampfen. Op. cit., blz. 102—103.

²³ Э. Баш. Указ. соч., стр. 76—78; H. Kranenburg. De zeevisscherij van Holland in den tijd der Republiek. Amsterdam. 1946, blz. 133, 213—215.

²⁴ Э. Баш. Указ. соч., стр. 84—87.

²⁵ H. Kranenburg. Op. cit., blz. 63—66, 68—69, 74—80, 84—88, 216.

Финансово-кредитная и денежная система в республике была призвана прежде всего обеспечивать нужды амстердамского стапельного рынка, а практически — и нужды рынка мирового. Кальвинистская этика признавала законности коммерческого процента, осуждая лишь ростовщичество, что снимало этически-юридические ограничения кредита²⁶, действовавшие еще во многих католических странах.

Решающая роль в реформе всей кредитной системы принадлежала основанному в 1609 г. Амстердамскому банку. Первоначально депозитно-разменный, он осуществлял клиринговые операции по текущим счетам своих клиентов и по всем векселям нарицательной стоимостью от 600 флоринов и выше. С 1614 г. за счет своих фондов Амстердамский банк через Ссудный банк (а с 1685 г. и сам) стал давать ссуды магистрату, Ост-Индской компании и купцам под наличные товары. Денежные выплаты по сравнению с клирингом были невелики и совершались в полновесной банковской монете с «ажю» в 4,5—5%. Реальное покрытие депозитов было очень солидное, что создавало банку непоколебимый международный авторитет, и его вкладчиками были крупнейшие финансисты всей Европы. Общее их число с 708 в 1611 г. достигло 2 тыс. в 1701 г., а сумма вкладов выросла с 925,5 тыс. до 16 млн. флоринов. Сумма выпущенных им в обращение банковских квитанций достигла 30 млн. флоринов. С 1672 г. во все больших количествах на бирже стали обращаться облигации правительства и провинций, обеспеченные активами банка. Коммерческий кредит в республике был самым дешевым — 4% в XVII в. и 2,5—3% в XVIII веке. В 1616 г. открылся банк в Мидделбурхе, в 1621 г. — в Делфте, в 1635 г. — в Роттердаме.²⁷

Продолжало быстро развиваться и вексельное обращение. С 1597 г. для векселей, ставших главной формой платежа, использовались типовые печатные бланки, а в XVII в. широко вошла в практику передаточная надпись на обороте векселя. Но дисконтирование, зародившееся в третьей четверти XVI в. в Антверпене в форме скупки непросроченных векселей, утвердилось в Амстердаме лишь со второй половины XVIII века²⁸.

Стапельный рынок, низкий кредитный процент и стабильность разменного курса привлекали в Амстердам драгоценные металлы, позволяли не прибегать к меркантилистской политике. Даже при неблагоприятном торговом балансе кредитная система, свобода торговли слитками и деньгами обеспечивали республике благоприятный платежный баланс. Такая торговля, правда, с ограничениями, велась уже в первой половине XVII в. и совершенно свободно — с 1648 года. В XVII в. курс серебра по отношению к золоту в азиатских странах был в пользу первого (в отличие от Европы). Поэтому в Азии купцы предпочитали платить серебром, и потребность в нем росла. Голландские же купцы легко накапливали большие партии потребных колониям товаров в Кадиксе, предоставляли дешевый длительный кредит и таким путем обеспечивали себе ежегодно 15—25% всего испанского серебра (целый флот из 30—50 кораблей). В республике 1/3 испанского серебра шла на чеканку специальных, так называемых «торговых денег» — риксдаалдеров, левендаалдеров, дукатонов, позднее золотых дукатов,

²⁶ Et. Laspeyres. *Geschichte der volkswirtschaftlichen Anschauungen der Niederländer und ihrer Litteratur zur Zeit der Republik*. Leipzig, 1863, S. 257; D. Houtsager. *Hollands Lijf-en losrentelingen voor 1672*. Schiedam, 1950, blz. 8—9; E. Beinst. *Die Wirtschaftsethik der Calvinistischen Kirche der Niederlande 1565—1650*. «Nederlandsch Archief voor Kerkgeschiedenis». 1931, N. serie, d. XXIV, n. 115, 145—147.

²⁷ J. van Houtte. *Op. cit.*, blz. 165—167; J. van Dillen. *La Banque d'Amsterdam*. «Revue d'histoire moderne», 1928, № 15, pp. 168—171, 176; V. Barbour. *Op. cit.*, pp. 43—48. Э. Бааш. *Указ. соч.*, стр. 203—207, 218—220.

²⁸ R. de Roover. *L'évolution de la Lettre de Change: XVe—XVIIIe siècles*. P. 1953, pp. 119—121; V. Barbour. *Op. cit.*, p. 43.

вывозившихся в разные страны, особенно на Восток. Серебряное содержание голландского гульдена в 1600 г. было равно 11,02 г., в 1681 г. — 9,61 г., а затем оно оставалось неизменным до 1830 года. Чеканка монеты была централизована. Для внутреннего обращения в 1691—1694 гг. выпустили новую полноценную монету в 1 и 3 флорина (гульдена), после чего флорин из расчетной единицы стал реальной монетой. Но золото дорожало (паритет к серебру около 1600 г. составлял 12:1, в 1640 г. — 14,7:1), что вело к укреплению золотого стандарта²⁹.

Однако эти преимущества, выгодные для купеческого капитала, оборачивались новыми потерями для всех отраслей «национального» производства, лишая его меркантилистского протекционизма. Низкий же кредитный процент способствовал утечке капиталов за рубеж, где он был выше. Уже в первой половине XVII в. голландские купцы вкладывали миллионы флоринов в займы Англии, Дании, императорам, имперским князьям, в осушение земель в Англии и во Франции, кредитовали там создание предприятий керамической, текстильной, бумажной и других отраслей промышленности, построили лесопильню, бумагоделню, пороховой и стекольный заводы в России. Крупнейший амстердамский купец, выходец из Льежа, Луи де Хеер давал шведской казне крупные займы, построил и оснастил целый военный флот, брал откупа и монополии на торговлю шведской медью, а кончил сооружением в Швеции мощного комплекса металлургических предприятий, обеспечивавших колоссальные поставки: в 1637—1640 гг. пушек в количестве 5893, в 1645—1647 гг. латунной проволоки на 2 млн. риксдаалдеров и т. п. Торговая деятельность голландских купцов и финансистов носила космополитический характер: они продавали продовольствие и оружие врагу, финансировали конкурировавшие с ними иноземные колониальные компании и заводы, дюнкерских пиратов, перехватывавших голландские корабли, и т. д.³⁰

Государственный долг, начало которому было положено еще Габсбургами, в республике стал системой и быстро увеличивался, особенно во время войн. В 1609 г. лишь проценты по долгу (из 6,5) равнялись 4356 тыс., а в 1616 г. — уже 5200 тыс. флоринов. В 1662 г. долги одной провинции (Голландии) исчислялись в 120 млн., а в 1672 г. — около 240 млн. флоринов; по ним в мирное время шли 3%, а в военное — 4—5% годовых. Эти колоссальные долги относительно быстро погашались (за счет выкупа, смерти пожизненных рентодержателей, снижения годовых процентов с 6,5 до 3% и даже 2,5%). Тем не менее и в мирном 1717 г. долги одних лишь провинций равнялись 33765 тыс., а генералитетских, отвоеванных у испанцев земель — 58 млн. гульденов. Купцы срывали любую попытку облегчить положение государства, объявляя банкротство и жадно скупая облигации государственных займов³¹. Они держали в своих руках правительство республики и определяли его финансово-налоговую политику. Ее главным принципом было минимальное (в тех условиях) обложение торговли и капиталов, максимальное — земельной собственности, потребления, сельского хозяйства, промышленности

²⁹ J. van Dillen. *Amsterdam marché mondial des métaux précieux au XVIIe et au XVIIIe siècle*. «Revue historique», t. CLII, 1926, № 7—8, pp. 194—202; V. Barbour. *Op. cit.*, pp. 49—59; J. van Houtte. *Op. cit.*, blz. 163—164; N. Posthumus. *Op. cit.*, D. I, blz. LVI—LVII; J. van Dillen. *La Banque d'Amsterdam*. «Revue d'histoire modernes», 1928, № 15, p. 173; J. Hauser. *La prépondérance espagnole*. P. 1940, p. 440.

³⁰ V. Barbour. *Op. cit.*, pp. 112—115; J. Yernaux. *La métallurgie liegeoise et son expansion au XVIIe siècle*. Liège. 1939, pp. 120—137; Э. Бааш. Указ. соч., стр. 188—190.

³¹ V. Barbour. *Op. cit.*, pp. 80—83; D. Houtzager. *Hollands lijf-en losrentelingen voor 1672*. Schiedam. 1950, blz. 54—59, 77—80; Э. Бааш. Указ. соч., стр. 184—185.

и ремесла³². Это означало безграничное ограбление народных масс, наемных рабочих, крестьян, ремесленников, переобложение промышленной и сельской буржуазии.

Такая своекорыстная и близорукая политика имела и другие тяжелые последствия. Она влекла за собою рост номинальной заработной платы и соответствующее удорожание голландских товаров и услуг. В итоге голландский текстиль, бумага, корабли, фрахт переставали быть конкурентоспособными на мировом рынке. Голландские же купцы сделали из этого свои выводы — они стали торговать иноземными товарами, фрахтовать английские суда и т. д., что еще сильнее подрывало промышленность, ремесло и мореходство республики³³.

Торговля, особенно внешняя, финансы, налоги, на сборе которых жирели еще и откупщики, государственный долг служили главным образом целям накопления (в том числе и первоначального) в сфере торговли и поддерживали в республике в целом по-прежнему не производительную, а преимущественно торговую инфляционную конъюнктуру, хотя это достигалось и иными средствами, чем в дореволюционных Нидерландах. Торговый капитал сохранил и укрепил свою гегемонию, в том числе и за счет промышленного.

Складывание и развитие капитализма в промышленности республики происходили в условиях преобладания торгового капитала, постоянно возраставшего влияния мирового и внутреннего рынка, а не просто продолжали хозяйственную эволюцию дореволюционного периода. Особенно отчетливо это видно на примере крупнейшего текстильного центра — Лейдена. Его традиционное сукноделие погибло еще до восстания 1572 г., последующий же подъем происходил на новой основе, во вновь созданных отраслях шерстоткачества. В 1575—1619 гг. главным импульсом экономического подъема Лейдена был массовый приток эмигрантов — шерстоткачей, в основном из Фландрии, а также из Империи и Франции — всего до 3,5 тыс. человек, создавших производство новых сортов тканей: саржи, камлота, байки, фюстейна и других. Фламандцы не только владели навыками, секретами производства, капиталами, но и обладали торговыми связями, обеспечивавшими сбыт. За 1584—1619 гг. выпуск всех сортов тканей возрос с 26,6 до 109,6 тыс. кусков, превзойдя максимум XVI в.; выделка саржи за тот же период возросла с 23 до 53,3 тыс. кусков в год³⁴.

После 1620 г. фламандская эмиграция уже не имела прежнего значения, и остаток XVII в. проходит как период спонтанного расцвета лейденского шерстоткачества, тем не менее привлекавшего за эти годы извне еще 6 645 человек. Возникли новые отрасли — производство «грейна» и сукон английского типа. Развитие всех отраслей шло так: 1630 г. — 108,2 тыс. кусков на сумму 3 900 тыс. флоринов; 1642 г. — соответственно 94,6 и 6 730; 1654 г. — 82,9 и 9 110; 1665 г. — 122 и 7 755; 1679 г. — 85 и 4 748. В 1701 г. стоимость продукции возросла до 5 890 тыс. флоринов, причем только за счет прироста производства сукон (4 200 против 2 720 тыс. флоринов в 1679 г.). Все остальные отрасли продолжали свертываться или топтаться на месте. В период наивысшего подъема, в 1654 г., в лейденском шерстоткачестве было занято 37 650 человек и имелось 3 500 станков³⁵.

Экономическая и социальная структура разных отраслей не была ни одинакова, ни неподвижна. В производстве саржи, основанном

³² V. Barbour. Op. cit., p. 84; Э. Бааш. Указ. соч., стр. 175—181; N. Posthumus. De geschiedenis van de Leidsche lakenindustrie. D. III. 's-Gravenhage. 1939. blz. 1011.

³³ J. Accarias de Serionn. La richesse de la Hollande. T. III 1778, p. 312; A. Laurent. La concurrence entre les centres industrielles des Provinces-Unies et de la principauté de Liège. «Revue d'histoire moderne», 1927, № 9, p. 218.

³⁴ N. Posthumus. De geschiedenis... D. II, blz. 64, 107, 129.

³⁵ Ibid. D. III, blz. 922, 930—931, 937, 941.

хондсхоотцами, эволюция шла от ремесленной структуры к предпринимательской с центральной фигурой в лице «драпье», распоряжавшихся 1—20 ткачами, что вместе со смежниками составляло 14—280 человек. При этом ткачи, как правило, арендовали станки у «драпье». «Драпье» по фюстейну работали с 4—5 ткачами, по байке — с 1 и без принудительной аренды станков. «Драпье» преобладали в 1574—1634 г., но часть их в первой четверти XVII в. уже перешла в более высокий разряд — «лакенберейдеров», остальные же беднели и попадали под контроль последних³⁶. После 1634 г., особенно с развитием массового производства «грейна» и тонких сукон английского типа, центральной фигурой стал крупный капиталист — «реедер». Борьба между «драпье» и «реедерами», в которой первые олицетворяли муниципальный консервативный протекционизм, а вторые — капитализм, закончилась победой «реедеров», которые низвели «драпье» до уровня своих посредников, мелких предпринимателей в отраслях предварительной обработки, а те и вовсе ремесленников или наемных рабочих. «Драпье» второй половины XVII в. обычно владел капиталом всего в 1,5—4 тыс. флоринов, тогда как фонды «реедеров» составляли от 4—5 до 200 тыс. флоринов. Однако даже у самого богатого из них, владевшего капиталом в 212 тыс. флоринов, 86% капитала находилось в сфере торговли и лишь 14% — в сфере производства. Таким образом, и «реедеры» были еще купцами-капиталистами, шли от торговли к производству. Но в отличие от «драпье», объединявших производство в небольших размерах и притом по горизонтали, «реедеры» подчиняли себе многие сотни рабочих-надомников, создавали свои большие мастерские разных профилей, объединяли производство и по горизонтали и по вертикали. Ограничения размеров продукции, формально существовавшие в некоторых отраслях, они свободно обходили³⁷. Однако, по имеющимся данным, разделение труда все же очень медленно проникало внутрь мастерских, по преимуществу оставшихся на уровне простой кооперации; гораздо интенсивнее развивалось межотраслевое разделение труда. С 1578 по 1654 г. возникло 10 отдельных «организованных профессий», не считая нескольких свободных; внутри них насчитывалось до 130 отдельных специальностей.

В лейденском шерстоткачестве сохранились и некоторые цехи (ворсовщики, сукновалы, красильщики), и муниципально-корпоративные «организованные профессии» с корпоративными по своему духу статутами и регламентациями, и система контроля через палаты, и ряд ограничений. Но «организованные профессии» уже были корпорациями предпринимателей, цеховые ремесленники — фактическими рабочими на зарплате, ограничения — муниципальным протекционизмом, одновременно решительно пресекавшим сельские текстильные промыслы³⁸. В целом шерстоткачество Лейдена и в XVII в. не превратилось в чисто капиталистическую в современном понимании отрасль. Не обеспечило оно себе и экономической самостоятельности — основная масса его продукции сбывалась амстердамскими купцами, скупавшими ее на месте через своих факторов, в роли которых нередко выступали «драпье»³⁹.

Такая же смешанная структура, подчиненная купеческому капиталу, имела в шерстоткачестве, льноткачестве, шелкоделии Роттердама, Делфта, Хаарлема, Наардена, Тилбурха, в отделке сукон в Амстердаме. Крупные централизованные мануфактуры возникали здесь обычно в заново созданных отраслях. В Амстердаме — в ситценабивном деле — ложились предприятия с сотнями рабочих, сложным оборудованием и

³⁶ Ibid. D. III, blz. 502—503, 534, 552—554.

³⁷ Ibid. D. II, blz. 387—389, 391, 404—405; D. III, blz. 502—505, 527—542, 544—548, 550—558, 563—568, 811.

³⁸ Ibid. D. II, blz. 138—143, 159, 329—330, 340—343, 353—358, 419—423, 449—470; D. III, blz. 506—511, 826—866, 868—877.

³⁹ Ibid. D. III, blz. 810—811, 821; Э. Ба а ш. Указ, соч., стр. 111.

детальным разделением труда. Среди 50 сахарорафинадных заводов там в середине XVII в. было немало крупных, со стоимостью одного лишь оборудования в 50—60 тыс. гульденов. В 1682 г. появилась ткацкая фабрика со 110 станками, а в Утрехте на шелкодельной фабрике работало 500 человек.

Капиталоемкие предприятия сложились в стекольной, гранильной и других отраслях промышленности Амстердама. С начала XVII в. там возникали одна за одной компании по набойке ситца, мыловарению, крашению шелка, прокатке меди, но обычно они были недолговременны, а одни и те же купцы выступали пайщиками компаний в самых различных отраслях. В больших количествах производилось пиво, и в 1660 г. возник общеголландский союз пивоваров. Керамическая промышленность, сосредоточенная в Рейнланде, в долинах Эйсела, Старого Рейна, округах Утрехта, Вурдена, Делфзайла, производила до 200 млн. шт. кирпича и черепицы, сбывавшихся в разные страны⁴⁰.

Конкуренция корпоративного принципа с капиталистическим шла в одной из крупнейших отраслей — кораблестроении. В XVII в. в среднем в год в республике строилось судов только среднего и крупного размера до 1 тыс., из них до 50% — для зарубежных заказчиков. Крупнейшими центрами судостроения были Амстердам, Заандам, Роттердам. В Амстердаме в цехе корабельных плотников числилось 400 человек, но главную продукцию давали несколько тысяч вольных плотников, работавших по подряду артелями на островах.

В Роттердаме в XVII в. насчитывалось несколько десятков верфей, где было занято до 1 тыс. рабочих, работавших под присмотром цеховых мастеров. Цех корабельных плотников и мачтовиков фактически стал цехом предпринимателей — крупнейших богатей города с имуществом стоимостью от 6 до 140 тыс. гульденов. Ограничений размеров продукции не было. Владельцы верфей являлись одновременно арматорами (крупнейший из них вложил в корабли 20,2% всего капитала), торговали лесом. С кораблестроением была тесно связана лесоторговля; лесопильное дело (5 лесопилок до 1704 г.); канатное производство, сосредоточенное на 5—6 полигонах и организованное предпринимательски; парусное производство с 12 мастерскими, дававшими их владельцам чистого дохода в год 1,2—1,5 тыс. гульденов; цехи кузнецов, поставлявших якоря⁴¹.

Со второй половины XVII в. начался упадок судостроения в Амстердаме и Роттердаме. В это время на первое место выходит новый крупный промышленный округ — Заанстрек, расцвет которого олицетворял последнюю вспышку промышленного динамизма республики. В этом крае рыболовов, моряков и безземельных крестьян сложился крупный многоотраслевой индустриальный район, важнейшей отраслью которого стало быстро развивавшееся кораблестроение. В 1600 г. в Заанстреке производился лишь ремонт судов. В 1629 г. уже строились военные суда для Франции, Англии и Швеции. В 1669 г. там было 57 хозяев верфей, некоторые из них имели двойной штат рабочих. По неполным данным, с октября 1678 по май 1680 г. было спущено 54 судна, с августа 1692 по июнь 1694 г. — 63 судна. В 1708 г. на 60 верфях строилось 306 судов, а самый крупный предприниматель один в начале XVIII в. за 22 месяца спустил на воду 20 судов. Высокий уровень занятости сохранялся до середины XVIII в., когда в Амстердаме, а особенно в Роттер-

⁴⁰ H. B r u g m a n s. Op. cit., blz. 144—152; Э. Б а ш. Указ. соч., стр. 109—111, 122; J. van D i l l e n. Bronnen tot de geschiedenis van het bedrijfsleven en het gildewesen van Amsterdam. D. I. 's-Gravenhage. 1929, blz. 645—646, 652—653, 682—683, 700—703, 722—724; W. A r n t z. Export van Nederlandsche baskteen in vroegere eeuwen. «Economisch-Historisch Jaarboek». D. XXIII. ('s-Gravenhage), 1947, blz. 63—64.

⁴¹ H. B r u g m a n s. Op. cit., blz. 151; A. van K a m p e n. Op. cit., blz. 84—88, 98—99, 102—103, 106, 123, 130—132, 145—147, 153—159, 163—166, 170—178.

даме судостроение уже пришло в упадок. Главными причинами были высокое качество и дешевизна судостроения в Заанстреке: на 4% дешевле, чем в Амстердаме, и на 18%, — чем в Роттердаме. Оплата труда здесь была ниже на 15%, а ее доля в цене корабля равнялась 20%. Высокий уровень судостроения поддерживался до конца XVII в. развитым судоходством — к Заандаму и десятии деревням Заанстрека в 1591—1600 г. было приписано 676, в 1601—1610 гг. — 947, в 1621—1630 гг. — 628, в 1641—1690 гг. в среднем — по 194 судна. Значительные капиталы были сосредоточены в лесоторговле и других отраслях. Всего около 1725 г. насчитывалось 905 мельниц». Из них мукомольных 24, лесопильных — 351, крупорушек — 120, маслобойных — 196, бумажных — 56, красительных — 47, сукновальных — 23, табачных — 68, какао — 40, прочих — 150 (170 мельниц учтены дважды из-за перемены профиля работы). На бумажных мельницах работало в среднем по 25 человек, на маслобойнях — 7 человек⁴². Парусиновое дело, основанное на принципах домашней промышленности, с середины XVII в. по середину XVIII в. давало 22—30 тыс. рулонов парусины в год и обеспечивало работой 3 тыс. человек. В китобойном промысле во второй половине XVII в. было занято до 65 судов с персоналом до 2,7 тыс. человек. Суда принадлежали компаниям, в которых все большую роль играли капиталисты — «реедеры». В сахарном деле работало в 1632—1712 гг. от более чем 150 до нескольких десятков предприятий (по 3—4 рабочих каждое), выпускавших в неделю 2—4 тыс. больших бочек сухарей. Во всех этих отраслях было занято до 15 тыс. наемных рабочих, не считая судоходства, сферы обслуживания и др., что позволяет значительно увеличить эту цифру. Это свидетельствует об огромной интенсивности производства для столь небольшой территории, располагавшей населением всего в 20—32 тыс. человек. Следовательно, немалую роль должен был играть пришлый элемент — из соседних областей и т. п. Вся экономика Заанстрека была тесно привязана к амстердамскому стапельному рынку. Цехи здесь практически не играли роли⁴³.

Такое положение являлось скорее исключением, чем правилом в республике. Одной из особенностей революции было оживление и укрепление цехов, что сопутствовало политической активизации городских масс. В Амстердаме сразу же после революционного переворота 1578 г. магистрат официально объявил о восстановлении цехов во всех их привилегиях, в ряде цехов были усилены ограничения и запреты⁴⁴, созданы новые цехи. Цехи всех других городов также укрепили свои позиции или, во всяком случае, боролись за это. Такому ходу событий содействовало и господство купеческого капитала, который надстраивался над существующими формами производства, модифицируя их лишь в отраслях, непосредственно связанных с торговлей, и в той мере, в какой это было ему нужно. Наконец, в своей внутривластительской борьбе купеческая олигархия с первых десятилетий XVII в. стала опираться на консервативные цехи, делая им всяческие уступки⁴⁵.

Не оставались неизменными и цехи: те, которые были связаны с крупным производством, быстро разлагались, становились цехами предпринимателей, а цеховой монополией пользовались для конкурентной

⁴² A. van Braam. Bloei en verval van het economisch-sociale leven aan de Zaan in de 17-de en 18-de eeuw. Wormerveer, blz. 8, 14—16, 19, 23; A. van Kampen. Op. cit., blz. 84, 112—113.

⁴³ A. van Braam. Op. cit., blz. 9—11, 17, 62, 65—85, 88—89, 118—119, 120—121, 128—129 e. a.

⁴⁴ J. van Dillen. Bronnen... D. I., blz. 621, 644—665, 678—679; W. van Ravestein. Onderzoekingen over de economische en sociale ontwikkeling van Amsterdam gedurende de 16de en het eerste kwart der 17de eeuw. Amsterdam. 1906, blz. 93—99.

⁴⁵ W. van Ravestein. Op. cit., blz. 62—163; V. Barbour. Op. cit., pp. 70—72; A. van Braam. Op. cit., blz. 125—128; W. van Ommen Kloekke. De vrijheid van Beroep en Bedrijf. Groningen. 1946, blz. 39—45.

борьбы с капиталистически поставленными отраслями и деревенской промышленностью, не стесняясь опираться, как это делали, например, лейденские текстильщики, на эдикт Карла V от 1531 г. против сельских промыслов (!). Одновременно цеховая монополия все больше сливалась с муниципальным протекционизмом. Именно такие цехи вызывали особенную вражду подлинных капиталистов. На гребне экономического подъема первой половины XVII в. движение за ликвидацию цехов казалось близким к победе, но последующий экономический спад и усиление политической реакции резко изменили ситуацию. Цехи вновь укрепили свое положение и пользовались официальной поддержкой Генеральных Штатов и статхаудеров, что отражено в ряде законодательных актов. Ликвидированы они были лишь в конце XVIII — начале XIX в., после французского завоевания.

Огромный рост объема производства и обмена в республике, социально-экономические изменения революционного времени пошли на пользу главным образом купечеству и растущей буржуазии, способствовали быстрому увеличению их капиталов и развитию буржуазной собственности. Размеры обращавшихся капиталов достигли уже миллиардов, а состояния отдельных богачей — миллионов гульденов. Вот как выглядело материальное положение горожан Лейдена, Гааги и Амстердама по описям поимущественного обложения⁴⁶:

Имущественные группы (флорины)	Лейден, 1623 г.		Гаага, 1627 г.		Амстердам, 1631 г.	
	Число облаг.	% имущества	Число облаг.	% имущества	Число облаг.	% имущества
1 000— 2 999	576	4,9	132	1,1	1 157	2,8
3 000— 9 999	697	18,3	370	8,5	1 389	10,8
10 000—49 999	485	47,4	330	30,4	1 184	38,3
50 000—99 999	57	17,5	84	23,8	231	23,2
100 000 — и более	14	11,9	44	36,2	99	24,9
Всего	1 829	100	960	100	4 060	100
Общая оценка имущ.	18 870 600 фл.		22 057 000 фл.		62 877 950 фл.	
Средняя имущ. оценка	14 331 фл.		22 900 фл.		14 487 фл.	

Цифры эти не могут считаться точными (как правило, богачи сильно занижали оценки своего имущества), но даже они показывают экономическое могущество буржуазии, размеры ее капиталов. Характерно то, что крупнейший промышленный центр — Лейден — был и абсолютно и относительно беднее, чем чиновничье-аристократическая Гаага и купеческий Амстердам. В последнем имуществе глав кальвинистских регентско-купеческих семейств Кромхаутов оценивалось в сумме около 450 тыс., Пааувов — 200 тыс.; Янсзонов — 280 тыс.; Хоофтов — 320 тыс.; Биккеров — свыше 700 тыс. гульденов и т. д.⁴⁷. Общую сумму капиталов амстердамских богачей в 1674 г. Х. Брюхманс оценивает в 158 млн. гульденов⁴⁸.

Еще важнее сведения о структуре таких капиталов. Крупнейший богач Амстердама Якоб Поппен в 1624 г. оставил наследство в сумме 920 тыс. гульденов (таксировал по налоговой описи всего в 500 тыс.). Из них 500 тыс. — земельные владения в полдере Бемстер, 144 тыс. в облигациях Ост-Индской компании, остальные — в недвижимости, ко-

⁴⁶ N. Posthumus. De geschiedenis... D. III, blz. 966.

⁴⁷ W. van Ravestein. Op. cit., blz. 276—279, 288, 296, 310, 313.

⁴⁸ H. Brugmans. Op. cit., blz. 142.

раблях, рентах, депозитах. Его отец Ян Поппен, заложивший основу богатства, еще в 1568 г. был мелким конторским служащим. У Рейнерта Кромхаута из 438 тыс. гульденов 226 тыс. были вложены в землю, 177 тыс. — в облигации и ренты, 16 тыс. — в дом и 19 тыс. — в товары. В капитале кораблестроителя из Роттердама Де Ройтера, составлявшем 137 тыс. флоринов, 49 тыс. приходилось на верфи, земельные участки, склады и другие постройки, 27 тыс. — на используемые под фрахт корабли, 50 тыс. — на прочие имущества и доходные статьи. Капитал крупнейшего лейденского сукнодела Адриана Хеннебо и его сына составлял 149 тыс. флоринов. Из 90 тыс. флоринов производительного капитала лишь 9,7% приходилось на оборудование, 4,1% — на сырье и вспомогательные материалы, а остальные 86,2% — на ткани, из них 72,4% — готовые, находящиеся в сфере торговли. Рост капитала — 8,5% в год, в основном, конечно, за счет торговой прибыли. Капиталы «драпье»-сукноделов были гораздо скромнее — 1—3 тыс. флоринов; обычно «драпье» выпускал в год около 25 кусков сукна расчетной себестоимостью 340—345 флоринов и продажной ценой 375 флоринов, то есть валовая прибыль составляла всего 875—750 флоринов в год⁴⁹.

Многими купцами и регентами крупные капиталы создавались и за счет тайных вкладов в ростовщические конторы под 9—11% годовых — это давало более высокий и гарантированный доход, чем прибыли крупнейшего лейденского сукнодела! «Отцы городов» за бесценок скупали секуляризованные церковно-монастырские земли, округляя свои и без того солидные состояния. Таким образом, основная масса капиталов создавалась и обращалась в торговле, финансах, спекуляциях и ростовщичестве, а к производству купцы обращались обычно как к источнику дополнительных доходов⁵⁰.

Ускоренными темпами формировался класс наемных рабочих, среди которых важнейшее место занимали матросы, рыболовы, текстильщики, кораблестроители и их смежники. Общее число рабочих доходило до полумиллиона. Материальное их положение продолжало оставаться тяжелым. Лучше всего и по разным категориям рабочих оно изучено на достоверных материалах Лейдена.

	Индекс заработной платы (1580—1584=100%)				Индекс стоимости жизни
	Плотник	Каменщик	Рабочий-сдельщик в деревне	Неквалифицированный поленщик	
1575—1579	100	100	71	75	104
1595—1599	119	146	143	204	156
1605—1609	138	175	162	249	159
1615—1619	142	190	-	317	166
1625—1629	160	198	143	268	183
1635—1639	178	198	143	383	205
1645—1649	178	225	143	396	245
1655—1659	178	225	143	246	241
1695—1699	178	225	167	-	216

Как видно, в строительных профессиях рост номинальной заработной платы имел место лишь до середины XVII в., после чего она стабилизировалась. Ее отклонения от индекса стоимости жизни были невелики, но в годы дороговизны, как и в XVI в., положение наемных рабочих

⁴⁹ H. Brugmans. Op. cit., blz. 140—141; W. van Ravestein. Op. cit., blz. 276; A. van Kampen. Op. cit., blz. 98—99; N. Posthumus. De geschiedenis... D. III, blz. 533—534, 544—548, 554, 556.

⁵⁰ J. Melles. Het huis van leeninge 1325—1950. 's-Gravenhage. 1950, blz. 23; H. E. van Gelder. Het geestelijk grondbezit en de steden van Hollands Noordekwartier in de zestiende eeuw. «De XXe eeuw», D. I. 1904, blz. 221—222; W. van Ravestein. Op. cit., blz. 357—362.

становилось бедственным. Улучшилось положение неквалифицированных сельских поденщиков, оплата которых в абсолютных цифрах сравнивалась с оплатой подмастерьев-плотников, что является обычным для экономически развитых стран, почти всегда испытывающих недостаток неквалифицированных рабочих. Но и у них с середины XVII в. оплата труда стала снижаться. Медленнее росла заработная плата у текстильщиков, а у льноткачей в 1594—1608 гг. она вообще оставалась стабильной. Органическая структура личного бюджета рабочих была очень низкой: расходы на питание поглощали 60%, на жилье — 20%, отопление и освещение — 8%, одежду — 7%, на прочие расходы оставалось всего 5%, 13—14., а то и 16-часовой рабочий день, до 1625 г. часто без воскресных дней отдыха, в тяжелых антисанитарных условиях, обычное явление. Нищенство и пауперизм резко возросли в связи с общим экономическим спадом конца XVII—XVIII века⁵¹.

Если и было какое-то улучшение по сравнению с XVI в., то, по имеющимся данным, оно обеспечивало лишь более быстрый рост рабочего населения, резервной армии труда, что является основным законом демографического развития общества при капитализме; уровень же жизни зависел от колебаний хозяйственной конъюнктуры. Одновременно появился новый бич — все расширявшееся применение женского, а особенно детского труда. В частности, правилом стала сдача по договорам на мануфактуры воспитанников городских сиротских домов на ужасных условиях: изнурительный, многочасовой труд наравне со взрослыми, грошовая оплата, истязания надсмотрщиков, принуждение к сбору милостыни, отбиравшейся хозяевами, общая деградация⁵².

Утверждение о якобы имевшем место общеевропейском хозяйственном кризисе в течение всего XVII в. не подтверждается нидерландским материалом. Историография XIX — начала XX в. оценивала XVII в. как «золотой» для республики в противоположность XVIII в., отмеченному застою, а затем и всесторонним упадком. Новейшие исследования показали, что уже с 60-х—70-х годов XVII в. появляются симптомы застоя, переходящего затем в упадок в XVIII веке. Спад, хотя в основном пока межотраслевой, заметен в Лейдене. К уровню 1645 г., принятому за 100%, в 1701 г. объем продукции саржи составил 24%, фюстейна — 62%, байки — 71%, варпа — 53%, при росте по сукнам до 120% и по «грейну» — до 105%. При этом повторялся средневековый прецедент: из городов Голландии, где сохранилась система цехов и муниципального протекционизма, текстильное производство перемещалось в свободный от этих средневековых институтов Северный Брабант, где в районе Тилбурха к 1739 г. работало до 600 ткацких станков. В XVIII в. упадок охватил уже все отрасли Лейдена — сукноделие давало лишь 25% прежней продукции, а население города с 54 тыс. человек в 1700 г. сократилось к 1794 г. до 30 тысяч. В полный упадок пришло кораблестроение Роттердама, спад в котором начался с 70-х годов XVII века. Захирел и стал убыточным в XVIII в. лов-сельди, а со второй половины XVIII в. и промысел китов⁵³. Дольше других, до середины XVIII в., поддерживал уровень производства передовой промышленный район — Заанстрек. Но к концу XVIII в. и он пришел в упадок, и еще

⁵¹ N. Posthumus. De geschiedenis... D. II, blz. 208, 214, 216; D. III, blz. 572—574, 1014—1016; H. Brugmans. Op. cit., blz. 153—155; Awan Braam. Op. cit., blz. 91—97; W. Oldewelt. Het aantal bedelaars, vondelingen en gevangenen te Amsterdam in tijden van vervaart on crisis. «Amstelodamum». D. 39. 1942, blz. 22—24, 32—34.

⁵² N. Posthumus. De geschiedenis... D. III, blz. 575—612; e. j. u. s. d. Kinderarbeid in de zeventiende eeuw in Delft. «Economisch-Historisch Jaarboek», D. 22. 1943, blz. 49—52.

⁵³ N. Posthumus. De geschiedenis... D. III, blz. 942, 1019—1030; A. van Kampen. Op. cit., blz. 113—121; H. Kranenburg. De zeevisserij van Holland in den tijd der republiek. Amsterdam. 1946, blz. 205—210; M. Beaujon. Oversight der geschiedenis van de Nederlandsche zeevisserijen. Leiden. 1885, blz. 146—148; Э. Бааш. Указ. соч., стр. 111.

более безысходный, чем города Голландии. Упадок коснулся ткацкой и отбельной промышленности Хаарлема, пивоварения, сахароварения, табачного дела, выделки парчи, шелка, бархата и предметов роскоши, ювелирного дела и других.

Относительно слабее пострадала торговля. Объемы товарных масс, обращавшихся на амстердамской бирже, составляли в 1785—1789 гг. 162% по отношению к уровню 1715—1719 годов. Но за этим количественным благополучием скрывались глубокие ее структурно-качественные изменения: гибель крупной промышленности республики к исходу XVIII в. означала, что торговля ее стала почти целиком транзитной и она велась товарами не «национального», а иноземного происхождения.

Торговая монополия голландцев начала размываться уже со второй половины XVII в. (в чем немалую роль сыграли навигационные акты Кромвеля середины XVII в.), а после 1750 г. ее полная утрата стала фактом. Радикально изменилась и структура англо-голландской торговли, которая к исходу XVIII в. выглядела так (в тыс. фунтов стерлингов):

	1696/97 г.	%	1772/73 г.	%
Общий ввоз в Англию	3 483		11 407	
В том числе из республики	507	14,5	412	3,6
Общий вывоз из Англии	3 526		14 763	
В том числе в республику	1 462	41,5	1 874	12,7

Упадок республики отразился и на движении населения. Динамика его по основной провинции — Голландии — в приближенном исчислении такова: 1514 г.— 275 тыс.; 1622 г.— 672 тыс.; 1680 г.— 883 тыс.; 1750—1795 гг.— 783 тыс. человек⁵⁴. Эти цифры показывают скорее всего не абсолютное сокращение населения, а его отлив в провинции аграрного профиля с начинавшимся промышленным развитием, где именно в XVIII в. отмечается быстрый рост населения. В Оверейселе в 1675 г.— 71 тыс.; 1748 г.— 122 тыс.; в 1795 г.— 134 тыс. человек. В области Велюве (Хелдер) в 1526 г. насчитывалось 36 тыс.; в 1749 г.— 54,2 тыс.; в 1795 г.— 65,8 тыс. человек.

Неблагоприятной была общая конъюнктура. С 60—70-х годов XVII в. до второй половины XVIII в. имел место общий спад цен, объема продукции с различными колебаниями внутри этого периода, лишь с 80—90-х годов XVIII в. сменившийся устойчивым их ростом. В известной мере с этим были связаны «замораживание» и снижение заработной платы.

Своеобразным экономическим резюме может служить структура фондовых капиталов республики. В 1782 г. они исчислялись не менее чем в 1 млрд. гульденов. Из них 335 млн. приходилось на внешние займы (в том числе 280 млн. одной Англии); 425 млн.— на облигации внутренних займов и других форм государственного кредита (то есть около 70% всех капиталов вращалось в сфере внешних займов и государственного долга); 140 млн.— на займы колониальным владениям; 50 млн.— на вексельную торговлю. Республика стала государством-рантье и кредитором своего бывшего врага — Англии⁵⁵.

⁵⁴ Э. Бааш. Указ. соч., стр. 105—118, 125, 128, 138, 141, 151—155; A. van Braam. Op. cit., blz. 118—119; A. van Kampen. Op. cit., blz. 122; J. Faber e. a. Population Changes and Economic Developments in the Netherlands: a Historical Survey. «A. A. G. Bijdragen», 1965, № 12, p. 60; H. Brugmans. Op. cit., blz. 209; T. van der Kooy. Op. cit., blz. 35—39.

⁵⁵ J. Faber e. a. Op. cit., pp. 60—62, 74, 93—94; N. Posthumus. Nederl. prijs-gesch... D. I, blz. 1—8, 72—74, 85—88 e. a.; H. Brugmans. Op. cit., blz. 210.

О причинах упадка республики в литературе существует много версий, в их числе: рост могущества и политико-экономической агрессивности Англии и Франции; узкое своекорыстие правящей купеческой олигархии; англо-голландские войны; фатальное затягивание республики в общий кризис XVII в. (лишь с запозданием) и т. д. Имеют место попытки путем преуменьшения размеров упадка снять и саму проблему. Но это лишь односторонние попытки решения вопроса, к выявлению сущности которого среди буржуазных нидерландских историков-экономистов, пожалуй, ближе всего подошли Т. ван дер Коой, проанализировавший механизм складывания и упадка голландского стапельного рынка, и И. Нирмейер, определивший причину его распада. По определению последнего, голландский стапельный рынок, являвшийся необходимым промежуточным этапом складывания мирового рынка (как центр формирования мировых цен и перераспределения товаров), изжил себя к исходу XVIII века. Отсюда потеря монополии внешней торговли, промышленный крах республики, ее сползание в разряд держав третьего ранга. До этого события никакие силы не могли сломить республику так же, как после него ничто не могло ее спасти. Новая ступень развития капитализма и мирового рынка была связана уже с массовым сбытом в разных направлениях, что было под силу лишь стране с самой развитой промышленностью и флотом, а ею к концу XVIII в. стала Англия, в то время как республика закончила на первой фазе мануфактурного периода с присущим ей господством купеческого капитала, прямым подчинением ему ряда отраслей производства. Отсюда сохранение средневековых институтов, сковывавших развитие промышленности; отсюда стихийные прорывы промышленного капитализма республики в его наиболее развитых формах в сельские районы Заанстрека, Северного Брабанта, Оверейсела⁵⁶. Но эти прорывы оказались единичными, а органическая связь их со стапельным рынком обрелась и эти районы, с распадом последнего, на гибель или депрессию.

В общесторическом аспекте это явление было одним из этапов дальнейшего прогрессивного развития, связанного с ломкой прежних устоев, как и в XIV—XV вв., когда создавались предпосылки капитализма. Но тогда Нидерланды стали своего рода фокусом этого прогрессивного процесса, теперь же республика вступила в полосу застоя и упадка, утратив это свое значение, а его приобрела ставшая цитаделью промышленного капитала Англия. Таким образом, вывод К. Маркса о том, что падение республики было следствием подчинения ее торгового капитала промышленному капиталу Англии⁵⁷, в полной мере сохраняет свое значение.

В этом явлении одновременно выражалась общая закономерность развития исторического процесса не по прямой восходящей линии из одного пункта, а по спирали и со сменой локализации его эпицентра. Так было внутри республики, где наибольший прогресс и динамизм имели место во вновь развивавшихся отраслях и локальных центрах. Так шел процесс и в международном масштабе — последующая судьба самой Англии — красноречивое тому свидетельство. В этой связи нет оснований упадок республики Соединенных провинций рассматривать как вариант обратимого типа генезиса и развития капитализма. Скорее он может рассматриваться как смена лидера при продолжении и углублении поступательного развития капитализма в целом.

⁵⁶ Э. Бааш. Указ. соч., стр. 317; J. Faber. e. a. Op. cit., pp. 60—62; J. Niermeijer. Op. cit., blz. 396—400; H. Brugmans. Op. cit., blz. 195, 198—199, 208—209.

⁵⁷ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 25, ч. I, стр. 366.